

НАТАЛИЯ ГИБЕРГАТОВА

Николай БУРЛЯКОВ родился 3 августа 1946 года в Москве. В 14 лет снялся в главной роли в фильме Андрея Кончаловского «Мальчик и голубь», затем в фильме Андрея Тарковского «Иваново детство». В 1961–1964 годах играл в Театре им. Моссовета. В 1964–1968 годах учился на актерском факультете театрального училища им. Б. Щукина и одновременно работал в Московском театре им. Ленинского комсомола. После окончания училища ушел из театра и активно снимался в кино. В 1975 году окончил режиссерский факультет ВГИКа. Народный артист России (1996). Лауреат Государственной премии СССР (1984), премии Ленинского комсомола (1976). В 1996 году основал Международное объединение кинематографистов славянских и православных народов, был избран его председателем. Президент МКФ славянских и православных народов «Золотой Витязь».

«Я не люблю актеров»

Окончание. Начало на стр. 1

– В середине восьмидесятых писали, что вы в своем фильме слишком идеализировали Лермонтова. Вы показали не настоящего Лермонтова, в жизни он, как известно, был маленького роста, кривоногий, не очень привлекательный для женщин. А у вас он – икона...

– Я сознательно хотел сделать фильм о герое нашего времени и показать пример самопожертвования, осознанного подвига во имя тех высоких идеалов, с которыми Лермонтов пришел в жизнь. Вот вы обмолвились о том, что он был кривоногий, маленького роста и хромым. Это говорит о том, что вы подвержены тому потоку сплетен, который нанесло на чистейший, прекраснейший образ Лермонтова наше лермонтоведение.

– Я сужу по воспоминаниям современников...

– Но кто оставил эти отзывы? Вы прочитайте! Те, кто не был допущен Лермонтовым близко к сердцу! Иные, «допущенные», пишут совсем о другом Лермонтове – о любящем, бесстрашном, щедром, добром, нежном. А то, что он был маленьким, кривоногим и хромым, – сплетни и ложь. Его рост был за метр семьдесят, ведь он же служил в лейб-гвардии императора, карликов туда не принимали. Туда принимали двухметровых гвардейцев, может, от них и пошло отношение к его сравнительно небольшому росту.

– О ком еще из русских поэтов вы хотели бы снять фильм?

– У меня готов сценарий о Пушкине. Но вот уже восемь лет как Министерство культуры не дает мне сделать этот фильм. Спешу огорчить любителей эротики, голого Пушкина там нет. Но

он будет живым и новоявленным – для осознания образа в наших умах. Он будет разный – и остроумный, и ругающийся, и хохочущий...

– Пушкин-бабник тоже будет?

– Я знаю, что это то, чего сегодня ждут. Не будет Пушкина-бабника, потому что все это сплетни. Да, он любил и каждому чувству отдавался полностью. Он был русским мужем, православным, крещеным в детстве. В моем фильме это будет Пушкин державный, единственный допущенный императором до тайных архивов. Он знал тайны России, мог влиять на императора и был убит именно за это, а не из-за красавицы жены.

– Скажите, вы не думали о том, как бы сложилась ваша жизнь, если бы однажды к вам, тринадцатилетнему, на улице Горького в Москве подошел Андрей Кончаловский и не сказал: «Мальчик, ты мне нужен».

– Если бы он не подошел ко мне на улице Горького около дома номер шесть, так или иначе все равно пришел бы в кино. Мои бабушка и бабушка по отцовской линии были актерами. Актерство уже было в моих генах. Еще до встречи с Кончаловским, в 1954 году, я в первый раз встал перед кинокамерой. Это были кинопробы фильма «На графских развалинах», правда, меня не утвердили.

– У каждого артиста в кино есть свой некий образ, или, как сейчас говорят, имидж, который они стараются сохранить до конца. Вам не жалко, что вот тот солнечный образ, который многие помнят по «Рублеву», «Иванову детству», куда-то пропал?

– Да куда он не пропадал. Этот мальчик вырос. В «Военно-полевом

романе» я играл солнечный образ Александра Нетужилина. Потом был солнечный Лермонтов, а дальше – Иешуа в «Мастере и Маргарите».

– Почему не сложилась ваша судьба в театре?

– По своей сути я не актер. Не люблю актеров, глядя на которых сразу видно, что они актеры, потому что они играют актеров. Я не актер. По сути я – играющий человек. Никогда не хотел быть актером, хотел быть режиссером и писателем. Режиссером я стал, а вот стал ли писателем – покажет время. Хотя меня уже приняли в члены Союза писателей России, и в мае прошла презентация моей первой большой книги, где собрано почти все или многое из того, что за 35 лет я написал в прозе, поэзии, а также публицистика и мемуары о моих друзьях.

– Там обо всем откровенно? В том числе и о личных человеческих слабостях?

– Понимаю, что вы имеете в виду. Не могу сказать, что в этом смысле у меня были очень уж большие проблемы, даже учитывая то, что свою первую рюмку я поднял в 14 лет. Кстати, в 1961 году с Высоцким, и потом все мои друзья были пьющими людьми. Жизнь нашей богемы, нашей элиты всегда сопровождалась застольем. Это считалось нормальным. Я как-то написал: «Пустое времяпровождение с элитой в дымных кабаках. До тошноты ночные бдения, застолья в творческих домах...». Мне была чужда эта жизнь, но она втягивала день за днем, год за годом, и я видел, как уходят из жизни мои друзья. Повесился Гена Шпаликов, ушел Высоцкий, ушел Олег Даль и еще много-много других людей. Глядя на них, я стал задумываться о том, что такое питье в жизни – в моей, в их,

Новые Известия. – 2005. – 19 мая. – С. 1, 5